

ГОРДИЕВЫ УЗЛЫ

Дмитрий Быков. Июнь. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2017. 512 с.

Когда в октябре 1940 года Мишу Гвирцмана исключили из института, у него появилось много свободного времени.

Вот так Дмитрий Львович «макает» нас в сюжет — сразу, вниз головой, без разных вступлений про сгущающиеся тучи, пустые поля и сумрачные горизонты. И прекрасно, и пусть.

А выгоняют Мишу Гвирцмана не откуда-нибудь, а из ИФЛИ — института, существовавшего ровно до 1941 года. Да даже и не выгоняют, а скорее выдавливают общим решением. Слишком легко ему все дается, а тут недавняя война с Финляндией, и вообще, как ты посмел танцевать с нашей Валею Крапивинной. Выглядит все, впрочем, не как закономерность жизни, а как несчастный случай: мальчик попал под большой каток — с кем не случилось в те годы, еще легко отделался.

ИФЛИ здесь не только для четкости хронотопа, он сам олицетворяет собой конец времени, конец не только философии с литературой, но и всех этих беззаботных Миш и Валь. Автор не раз говорил, что у всех героев есть реальные прототипы, что это «блестящее поколение, выбитое войной», поколение, которое могло изменить Россию, но сделать этого им не дали.

Если возвращаться к сюжету, то надежда России, конечно, не состоит из святых — святош вообще, по Быкову, надо опасаться. А здесь нормальное взросление, обычные юношеские терзания вперемешку с грубыми эротическими сценами (что, впрочем, тоже часть тех самых терзаний). Не зря половину книги занимает история Миши — дальше все будет много скучнее и печальнее, уже никаких поцелуев на катке, вдохновения из приоткрывшегося окошка и больших надежд.

Герой второй части — на первый взгляд выросший Гвирцман, а вообще-то не очень приятный его современник Борис Гордон. У него много забот: надоевшая жена, ответственная работа и внезапно появившаяся прелестная любовница. Он даже немножко стукач и вполне себе предатель, но не картинный злодей, а простой такой мужчина со слабостями. «В России нельзя быть хорошим человеком», — говорит он, вот и не является.

Зато ему достается незаслуженный подарок — конечно, девушка, добрее и чище не бывает. С женщинами в «Июне» вообще интересная история: лучшие из них верят в то, что заслуживают страшного наказания (и получают же), а худшие из мужчин получают тех самых женщин просто так, ничего не сделав и ни о чем не задумываясь.

У Миши Гвирцмана были Валя и Лия, похоть и чистота. До чистоты он не дотянул, остался с пошлостью и даже грязью — зато, как любой русский человек, уверенный в том, что это все его судьба и есть. Гордону выпало счастье прикоснуться к чистоте и свободе, почти иностранка Аля (только что вернувшаяся из Франции) его восхищает и в то же время раздражает — «в ее чистоте было что-то идиотическое».

Еще больше она раздражает его окружение, московскую интеллигенцию 30-х. Когда принято говорить определенные вещи, знать меру и в поругивании власти, и в восторгах ею, всякая искренность и порыв становятся смешными и даже опасными. На фоне Али, инопланетянки, видно, как страна сама себя истребляет и затягивает в жгут. Аля — это и есть повзрослевшая Лия, и вот посмотрите, что бывает в России с чистыми и особенными.

А между тем у Гордона есть еще и жена, когда-то сильная и смелая Муретта, которую он доламывает — но не раскаивается, это мы все такими стали. Все эти женщины несут в себе что-то извне, какую-то надежду, упорядоченность и любовь, в конце концов, и только Валя — абсолютно на этой земле своя, самая первая и самая честная в своем распутстве и злобе — только такая Валя и остается (хотя надламывается тоже).

Женщина здесь, как почти везде и всегда, конечно, олицетворяет Россию. Страна-распутница, из которой уходит вся святость и невинность, страна, которую мучают и терзают до неузнаваемости, — а уж потом, когда женщина в романе и вовсе исчезает, то есть когда от родины ничего не остается, вот тогда катастрофы не избежать. «И если с ней, вообще с лучшим, что было на свете, можно было такое сделать, — то действительно оставалось только всех убить».

В героях Быкова всегда виден он сам — но здесь его голос не так слышен, как в том же «ЖД», где хоть уши закрывай руками. Однако сколько бы автор ни рассказывал о реальных прототипах «Июня», все равно устами всех героев говорит Дмитрий Быков. И больше всего это, как ни странно, касается не талантливого мальчика Гвирцмана и не матерого журналиста Гордона, а вот этого третьего, странного поляка Крастышевского.

«Я боюсь, что им готовят войну, и эта война носится угрозой. Я буду делать все, чтобы этого не произошло... Но что я могу сделать?» — говорил Быков на одной из встреч. И вот придумал героя, который пытается остановить войну словом, кодирует специальные послания и отправляет их наверх.

Отдельно стоит сказать, что схема воздействующего текста, изобретенная Крастышевским, — это структура и самого «Июня»: «вторая часть должна составлять половину первой, третья — примерно треть второй, четвертая же содержит главный посыл и вчетверо меньше». И автоописание есть, и крючки хорошие: рефренное «и мысли быть не могло, не могло быть и мысли»... Вот такое антивоенное послание придумал Дмитрий Быков, и может быть, оно даже дойдет «наверх», хотя там давно глухи к любым воззваниям.

Но ведь есть и еще одно «но».

Может ли что-то сделать лингвист Игнатий Крастышевский или писатель Дмитрий Быков, когда истинный русский ангел-хранитель — условный простой парень Ленья? Ленья — сквозной персонаж, сосед Гвирцманов, водитель в редакции, где работает Борис и куда сдает отчеты Крастышевский.

Условному Лене не нужна война. Общий ад отменяет то, что остальные — Миши и Борисы — наделали со своей жизнью, там ничего, конечно, криминального, но ведь и жить так дальше невозможно. А условный Ленья еще не наломал дров, не предавал и не изменял, ему не нужно запрягивать и списывать свои грехи. И расплачиваться за других будет именно он, как до того расплачивались голубоглазые Али и Лии, война в первую очередь бьет тех, кто ни в чем не виноват.

Так неужели только затем, чтобы выросло племя, которому умирать не больно; а племя это нужно только затем, чтобы воевать; а воевать нужно только затем, чтобы все списывать? Неужели тут всегда стоит одна задача — все списывать; всех сплачивать вокруг стержня; отводить любые претензии? А чтобы все были готовы умирать, неужели надо, чтобы никому не хотелось жить?

«Июнь» — не «ЖД», здесь все об одной нации, и нет здесь противостояния. Можно было бы сказать, что есть борьба эти русских-советских людей с властью, но ведь для борьбы нужен какой-никакой диалог, а когда одни молча приходят и берут у других то, что им нужно, не получается даже и монолога. «Мы всех сделаем виноватыми и всех излечим», — говорит человек «сверху» Горелов, и ведь делает же.

Выпавшие из времени завсегдатаи букинистических лавок и «окраина жизни» типа Кольчева, трусоватая интеллигенция и полные надежд студенты — в пространстве романа все они чувствуют одно, все делают одно, и всех ждет один финал.

А Гвицман, Гордон, Крастышевский — герои ведь явно пришлые, явно отделенные, и, может, потому они яснее других чувствуют свою вину и даже сознают, в чем она. Беда в том, что вина и ответственность — разные вещи, а на русской земле — и вовсе, почти противоположные. И даже если действительно виноваты такие, как Борис Гордон, ответственность за них всегда несут такие, как Леня.

А Леня ничего не знает и, может быть, даже еще не предчувствует. В воскресное летнее утро Леня впервые показывает маленькой дочке лес — сильнейшая сцена романа, лучше всех тюремных, курортных, постельных, пейзажных, та самая четвертая часть, в которой «главный посыл». Его жизнь «вообще налаживалась», кругом грибы и земляника, и это утро удивительное, и кругом разноцветные бабочки, и сейчас они купят теплого парного молока — «Наташа подумала, что так хорошо ей тоже никогда еще не было, но теперь, конечно, будет много раз».

И в такое утро Леня встречает катастрофу, в которой виновен меньше всех, встречает самым достойным и мужественным образом. Что будет дальше, мы уже знаем: там, где война разрубит чужие гордые узлы — именно там же она насквозь прорежет жизнь всех таких Леней и маленьких Наташ.

Никто не говорил, и репродуктор тоже ничего не говорил, вообще не было ничего, кроме музыки; но он догадался.

Анастасия СОПИКОВА